

Центральная Азия: дефицит воды как угроза безопасности

В исследовании Всемирного банка «Доклад о мировом развитии 2011: конфликты, безопасность и развитие» в разделе о Центральной Азии высказано предположение об усилении здесь риска конфликтов. Прежде всего, в таких сферах, как энергетика, водные ресурсы, торговля и транспорт, где пока не удается преодолеть имеющиеся разногласия между государствами региона¹.

При более внимательном рассмотрении этих разногласий оказывается, что почти все они крутятся вокруг одной основной темы — борьбы за воду. В регионе, расположенном в аридной зоне, тема воды напрямую связана с безопасностью всех стран Центральной Азии и воспринимается, как правило, болезненно. Противоречия по поводу ограниченных водных ресурсов и несогласованность действий в отношении их использования провоцируют конфликты и в прочих сферах. В качестве примера достаточно упомянуть «рельсовую блокаду», устроенную Узбекистаном для Таджикистана в 2010 году из-за строительства таджиками Рогунской ГЭС (подробнее о ней будет сказано в соответствующем разделе статьи).

В контексте водной проблемы под Центральной Азией (далее — ЦА) целесообразно понимать не только Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Кыргызстан, но также Северный Афганистан (до Гиндукуша) и Западный Китай (Синьцзян-Уйгурский автономный район), где берут свое начало несколько рек, протекающих по территории перечисленных выше государств. Общие источники пресной воды объединяют это пространство в единый природный организм, они же создают наиболее серьезные угрозы безопасности на всех уровнях, начиная от уровня индивидуума и заканчивая уровнем государства или группы государств. Однако в статье мы ограничимся анализом ситуации в так называемой политической ЦА, образуемой пятью бывшими советскими республиками.

Вообще в политической науке выделяются такие уровни безопасности, как индивидуальный и групповой, социетальный (безопасность отдельного общества или сообщества культурно близких обществ), национальный (безопасность государства), международный и глобальный². В рассматриваемом нами регионе водные баталии ведутся по преимуществу

государствами; следовательно, именно государства являются главными акторами борьбы за воду и/или по поводу воды. Соответственно, в данном исследовании будет рассматриваться в основном уровень национальной безопасности. В то же время при анализе угроз национальной безопасности, создаваемых водной проблемой, нельзя обойти стороной международный, в данном случае региональный, уровень. Ведь вода сама по себе не может быть остановлена государственными границами.

Истощение водных ресурсов стало уже угрозой глобальной безопасности, что было признано на международном саммите по изменению климата в Лондоне в 2006 году.

С нашей точки зрения, наиболее значимые аспекты национальной безопасности — экономический, военный, социальный и экологический. Все они всплывают, когда речь заходит о водных проблемах ЦА. Чтобы это доказать, достаточно рассмотреть отношения двух государств — Узбекистана и Таджикистана. Первое из них типически выражает интересы стран нижнего течения рек, второе — стран верхнего течения.

Суть и причины водной проблемы в регионе

Она заключается в том, что на сегодняшний день здесь практически исчерпаны все резервы водообеспечения. Кризис с обеспечением ЦА водными ресурсами обусловлен тремя основными факторами: стремительным ростом населения, загрязнением окружающей среды и изменениями климата. Эти темы актуальны для всего мира, но для аридных зон, а значит, и для ЦА — особенно.

Согласно прогнозу ООН, к 2025 г. население Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана и Казахстана должно вырасти до 85 млн. человек³. Рост населения предполагает рост потребностей в сельскохозяйственной и промышленной продукции. Ведение высокопроизводительного сельского хозяйства в ЦА из-за ее климатических условий возможно только на основе орошаемого земледелия — наиболее водоемкой отрасли хозяйства. Но именно в ней теряется наибольшее количество воды. Сейчас более половины забираемой на орошение воды испаряется и просачивается в мелиоративных системах,

¹ См.: Роль конфликта в Центральной Азии усиливается: доклад Всемирного банка // NWfront, 13.06.2011. Доступно на: <http://nwfront.info/?p=607>, последнее посещение 28.08.2011.

² Подробнее см.: Миграция и безопасность в России. Московский Центр Карнеги. М., 2000, с. 16–54.

³ Данные прогноза приводятся по: Топилин А. Демографический потенциал стран Закавказья, Центральной Азии и общий рынок труда СНГ. Доступно на: <http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/20.Topilin.shtml>, последнее посещение 21.06.2011.

не доходя до полей. Для бассейна Аральского моря такие потери составляют 30–40 км³ в год. Среди климатических факторов испарение вообще занимает ведущее место в формировании водных проблем. Оно приводит к расходованию больших объемов воды не только с орошаемых земель, но и с поверхностей естественных и искусственных водоемов.

Нехватка водных ресурсов усугубляется серьезным ухудшением качества имеющейся воды. А ухудшается оно из-за сброса в реки и коллекторно-дренажную сеть отравленной ядохимикатами и пестицидами воды, используемой в сельском хозяйстве, а также загрязненных промышленных стоков и вод коммунального хозяйства. Минерализация стока Сырдарьи в пределах Ферганы с конца 1960-х до середины 1980 гг. возросла более чем вдвое, что резко изменило ситуацию: была напряженной, стала кризисной⁴.

Токсичные отходы и удобрения фиксируются не только в воде, но и в воздухе, в виде устойчивых образований. В 1999 г. в атмосфере над Азией было обнаружено устойчивое аэрозольное образование, состоящее из дыма, серы, несгораемых твердых частиц, углерода, удобрений и других органических соединений. Его назвали Азиатским коричневым облаком. Переименованное потом в Атмосферное, облако задерживает до 15% солнечного излучения, вызывает засуху в центральных районах Азии и увеличивает количество дождей в районах прибрежных⁵. С 2000 г. оно регулярно фиксируется над ЦА.

Изменение климата в ЦА прежде всего проявляется в виде уменьшения осадков и таяния ледников — основных поставщиков пресной воды для рек региона. Запасы пресной воды, консервированные в горных ледниках ЦА, оцениваются в 650 млрд. м³. С 1957 по 2000 г., т. е. всего за 43 года, запасы воды в ледниках Памиро-Алтая сократились более чем на 25%⁶. И эти процессы продолжаются. Основная причина разрушения ледников — глобальное потепление климата; на него накладываются природные явления (загрязнение ледников пылью, которая переносится пыльными бурями из Афганистана, Ирана, Китая, пустынных районов Центральной Азии) и антропогенная деятельность человека (вынос солей и пыли с осушенного дна Арала⁷ и Атмосферное коричневое облако).

⁴ См.: Бушков В. Водные проблемы Центрально-Азиатского региона. Доступно на: <http://kungrad.com/aryl/http://kungrad.com/aryl/ekology/water/>. Последнее посещение 05.05.2011.

⁵ Подробнее см.: The Asian Brown Cloud: Climate and Other Environmental Impacts. UNEP, Nairobi, 2002.

⁶ Водно-энергетические ресурсы Центральной Азии: проблемы использования и освоения. Отраслевой обзор, 24 апреля 2008 года / Евразийский банк развития. с. 7. По другим данным, за 1960–2005 гг. на Памиро-Алтае исчезло более тысячи ледников (т. е. 12,5%), на Заилийском Алатау — около ста. См.: Изменение климата и водные проблемы в Центральной Азии. Учебный курс для студентов естественных и гуманитарных специальностей / UNEP — WWF России. Москва — Бишкек, 2006. С. 140.

⁷ С территории высохшего дна Аральского моря ежегодно выносятся на площадь 400 тыс. км² более одного млн т соли

Осаждение природного и антропогенного аэрозоля на ледники и снежные покровы вызывает изменение отражательной способности снега и льда, увеличивает количество поглощаемой солнечной энергии и усиливает процессы таяния. По данным ЮНЕП, в последние десятилетия произошло повышение приземной температуры воздуха примерно на 0,6° С, в горных районах — на 1,6° С⁸. Дальнейшее повышение температуры воздуха ускорит процесс таяния ледников, что в совокупности с сокращением объема осадков и ростом водопотребления усилит напряженную ситуацию в регионе в средне- и долгосрочной перспективе. По прогнозам таджикских специалистов, до 2025 г. исчезнут тысячи мелких ледников, общая площадь оледенения уменьшится на 20%, запасы льда — на 25%. В результате суммарный сток рек, протекающих по территории Таджикистана (Зеравшан, Кафирниган, Вахш и Пяндж), сократится на 7%⁹.

Уменьшение осадков четко фиксируется уже в наши дни. Так, по данным Гидрометеоцентра Таджикистана, осенью и зимой 2010–2011 гг. в горах выпало исключительно мало осадков — в пределах от 5 до 15% среднегодовых норм. Между тем в обычные годы к этому времени в горах накапливалось до половины среднегодовых норм запасов снега, служащего основным источником летней влаги в реках региона¹⁰.

Дефицит воды, экспансия пустынь, уменьшение площадей пашни и пастбищ ведут к сокращению производства сельскохозяйственных культур и поголовья скота.

Частичное решение проблемы специалисты видят в коренной перестройке сельского хозяйства. Необходим переход на выращивание засухоустойчивых культур, надо уменьшить площади под хлопчатником, реконструировать оросительные системы, широко внедрять влагосберегающие и возвратные технологии в промышленности, строить опреснительные установки для солевых водоемов и современные очистные сооружения¹¹. Все это предполагает огромные финансовые затраты, которые не способна покрыть даже помощь международных организаций. Но и в том случае, если будет осуществлена эта перестройка, проблема неравномерного

и песка, содержащих остатки удобрений. См.: Водное видение бассейна Аральского моря на 2025 год. ЮНЕСКО, Париж, 2000. Доступно на: http://www.aralvision.unesco.kz/ch_9_r.htm, последнее посещение 28.08.2011.

⁸ Изменение климата и водные проблемы в Центральной Азии, с. 28.

⁹ См.: Ясинский В. Сырдарья и Амударья: реки конфликта или сотрудничества? // Мировая энергетика, 2007, № 12. Доступно на: http://www.worldenergy.ru/doc_20_43_2291.html, последнее посещение 28.08.2011.

¹⁰ См.: Республике Таджикистан в наступившем году грозит засуха? // ЦентрАзия, 08.01.2011. Доступно на: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1294494240>, последнее посещение 28.08.2022.

¹¹ См.: Бушков В. Водные проблемы Центрально-Азиатского региона

распределения воды между странами останется. Ведь свыше 70% водных ресурсов рек Центральной Азии контролируются Таджикистаном и Кыргызстаном: на территории первого формируется 41% общего стока, на территории второго — 29,8%¹².

Проблема распределения водных ресурсов

Неравномерное распределение водных ресурсов остро осознается на фоне их растущей ограниченности, а вслед за этим усиливается и межгосударственное противостояние. Естественно, что «линия фронта» в этом вопросе проходит между вододостаточными странами верховья и вододефицитными странами низовья или — можно сказать и так — между странами гидроэнергетики и странами орошаемого земледелия.

В эпоху плановой экономики система перераспределения водных и энергетических ресурсов в соответствии с потребностями республик работала достаточно эффективно, благодаря чему соблюдались интересы и сельского хозяйства, и энергетической отрасли. После распада СССР эта система в регионе стала расшатываться и в конечном итоге развалилась. Примечательно, что первый толчок активизации усилий Кыргызстана и Таджикистана по строительству новых объектов гидроэнергетики и переводу водохранилищ с ирригационного на энергетический режим дали Узбекистан, Казахстан и Туркменистан. Именно эти государства, богатые энергоресурсами, первыми отказались от бартера, когда определенные объемы воды в вегетационный период шли в обмен на дешевые энергетические ресурсы зимой, начав продавать странам верховья, не имеющим своих углеводородов, газ, мазут и электроэнергию по рыночным ценам. С целью выработки недостающей электроэнергии Кыргызстан и Таджикистан были вынуждены осуществлять попуски воды из водохранилищ в осенне-зимний период, что привело к изменению объема и режима стока рек, к зимним паводкам и недостатку воды в вегетационный период.

В Узбекистане для уменьшения этих негативных последствий по течению Сырдарьи был построен ряд накопительных водных резервуаров. Усилилось внимание к модернизации оросительных систем, были сокращены площади под орошением, наметился переход к посеву менее влагоемких сельскохозяйственных культур. Руководство страны стало активно продвигать идею возведения в ЦА малых гидроэлектростанций — в противовес крупным проектам, которые реализуют Таджикистан и Кыргызстан¹³. В рамках программы действий по охра-

не окружающей среды на 2008–2012 гг. Узбекистаном ведутся работы по закреплению подвижных песков на дне Арала, что позволяет использовать эти территории в качестве пастбищ. Начались также работы по Проекту осушения, ирригации и восстановления лугов и озер в пойме Амударьи. В ее дельте на сегодняшний день созданы локальные водоемы и несколько десятков рыбопромысловых хозяйств¹⁴.

В свою очередь, Казахстан, устав бороться с паводками и затоплением большого количества сел в Южно-Казахстанской области из-за работы Токтогульского гидроузла по энергетической схеме, построил Коксарайский контррегулятор. Это гидросооружение призвано принимать тот объем воды, который раньше выходил из берегов переполненной Сырдарьи и оставлял под собой тысячи зданий и сотни тысяч гектаров полей и пастбищ на территории республики. Согласно плану казахстанского руководства, «летом воду из Коксарая будут направлять на полив сельхозугодий Южно-Казахстанской и Кызылординской областей, а когда чаша водохранилища опустеет, здесь появятся заливные луга. В многоводные годы планируется переброска влаги в Аральское море»¹⁵. Решая совместно со Всемирным банком аральскую проблему, Казахстан построил плотину между северной и южной частями Аральского моря, что улучшило ситуацию на его территории. Лов рыбы вырос в десять раз, улучшилось качество питьевой воды, а также ирригации¹⁶. Также Казахстан увеличивает площади с применением влагосберегающих технологий. В 2010 г. они расширились на 11,2 млн га и занимают сейчас 67% зернового клина. Площади капельного орошения выросли в 2,6 раза. Создана законодательная база господдержки мелиоративных работ, в 2011 г. в пилотном режиме началась ее реализация в Южно-Казахстанской области¹⁷.

Все же усилия одной страны, даже приносящие благо всем, кардинально ситуацию изменить не могут. Вопросы использования ограниченных водных ресурсов нужно решать совместно и непременно на рациональной и взаимовыгодной основе. Между тем в межгосударственных отношениях в регионе сегодня наблюдаются две разнонаправленные тенденции — к совместному решению проблем и к усилению конфронтации.

¹⁴ ИА Regnum, 19.10.2010.

¹⁵ В Южном Казахстане завершено строительство Коксарайского контррегулятора. Доступно на: <http://www.ktk.kz/ru/news/video/2010/12/29/11000/>, последнее посещение 21.06.2011.

¹⁶ Коксарайская плотина позволила частично восстановить экологию Аральского моря, — президент Всемирного банка // CA-News, 25 марта 2011. Доступно на: <http://www.ca-news.org/news/639391>, последнее посещение 28.08.2011.

¹⁷ См.: За прошедший год площади с применением влагосберегающих технологий увеличились на 11,2 млн. га — МСХ // ИА Казинформ, 20.01.2011. Доступно на: <http://www.inform.kz/rus/article/2342434>, последнее посещение 28.08.2011.

¹² Изменение климата водные проблемы в Центральной Азии., с. 105.

¹³ Боршшопец К. Центральноазиатский водный вопрос: традиционные позиции и новые акценты. Доступно на: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document178285.phtml>, последнее посещение 10.05.2011.

Попытки найти взаимоприемлемые решения по регулированию стока рек и распределению водных ресурсов предпринимались с начала 1990 гг., но оказались малоуспешными. Созданные тогда региональные комиссии по распределению квот потребления воды и иные структуры постоянно подвергались критике с разных сторон либо их решения просто игнорировались. Множество вроде бы согласованных многосторонних договоренностей так и не заработали, не дали практической отдачи. Приведем один пример. В июле 2008 г. осложнились отношения между Казахстаном и Узбекистаном из-за невыполнения последним обязательств по транзиту воды из Кыргызстана. Конфликт был вызван нежеланием Узбекистана пропускать через свою территорию воду из Токтогульского водохранилища, предназначенную для полива посевов хлопчатника в южных областях Казахстана. Из 150 кубометров в секунду, которые Кыргызстан обязался поставлять Казахстану в обмен за продажу электроэнергии, в канал Достык поступало лишь 35¹⁸. Недополученную Казахстаном воду Узбекистан направлял на собственные нужды. И такие односторонние действия для стран региона — в порядке вещей.

В 2009 г. распределение квот между республиками ЦА совсем прекратилось. Только в начале 2011 г. на очередном, 56-м, заседании Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК), в которой были представлены все пять республик региона, был вновь подписан протокол о совместном использовании водных ресурсов. Помимо согласования лимитов водопотребления стороны договорились о том, что в зимний период попуски из Токтогульского водохранилища не должны превышать 650 кубометров в секунду, а с Кайракумского водохранилища — 1200. Остающиеся за вычетом попусков водные ресурсы будут аккумулироваться для использования в вегетационный период¹⁹. Однако сторонам так и не удалось согласовать вопрос об использовании энергетических ресурсов. Да и выполнение достигнутых договоренностей по воде, учитывая опыт предыдущих лет, когда постоянно нарушались согласованные условия межреспубликанского вододеления, тоже остается под вопросом.

На встречах различного уровня представители стран ЦА периодически заявляют о намерении создать водно-энергетический консорциум. С точки зрения решения водно-энергетических проблем это чрезвычайно актуальная и здравая мысль. Однако дальше деклараций дело опять-таки не идет. Кыргызстан и Таджикистан не спешат открыть доступ к управлению своими гидроэнергетическими сооружениями внешним участникам, за что ратуют Ка-

захстан и Узбекистан. Провал планов по созданию консорциума или какого-то другого наднационального органа с делегированием ему значительных полномочий для решения существующих проблем свидетельствует о преобладании узкопонимаемых национальных интересов и над региональными интересами, и над общечеловеческими. А в результате не решаются вопросы, жизненно важные и для безопасности государства.

Если прогресс в выполнении взятых обязательств по распределению водопотребления и происходит, то лишь в области двусторонних соглашений. Работоспособность договоренностей такого формата доказали Казахстан и Кыргызстан. В 2000 году они подписали «Соглашение об использовании водохозяйственных сооружений межгосударственного пользования на реках Чу и Талас». Несмотря на то, что этот документ носит рамочный характер, он позволил перевести в практическую плоскость вопрос о компенсации затрат, связанных с содержанием в рабочем состоянии гидроузлов и водохранилищ Кыргызстана, служащих интересам обеих стран²⁰. Вопрос о таких компенсациях Кыргызстан уже несколько лет подряд безуспешно поднимал перед странами нижнего течения. После того как соглашение вступило в силу и был наработан некоторый опыт реализации его положений, стороны сочли полезным создать межправительственную комиссию для оперативного решения практических задач по совместному использованию ресурсов указанных речных бассейнов.

Отношения между Казахстаном и Кыргызстаном по проблемам воды, несмотря на их сохраняющуюся потенциальную конфликтность, являют своего рода модель мирного решения общих проблем. К сожалению, этого нельзя сказать об отношениях между Узбекистаном и Таджикистаном. Они как раз дают «модельный» вариант нарастания межгосударственной напряженности, обусловленной водной проблемой и для обеих стран чреватой серьезными угрозами безопасности.

Узбекистан и Таджикистан: развитие ситуации по негативному сценарию

Главное (но не единственное) яблоко раздора в отношениях двух стран на сегодняшний момент — строительство Таджикистаном Рогунской ГЭС. Если Таджикистану все-таки удастся поднять ее плотину до запланированных 335 м, это будет самая высокая плотина в мире. Завершение строительства Рогуна полностью ликвидирует энергетическую зависимость Таджикистана от Узбекистана.

Узбекская сторона видит в Рогуне прямую угрозу своей национальной безопасности. Во-первых, Рогунская ГЭС находится в зоне, где неоднократно

¹⁸ ИНТЕРФАКС-КАЗАХСТАН, 28.07.2008.

¹⁹ Страны Центральной Азии впервые за 2 года подписали протокол о совместном использовании водных ресурсов // Business издание AkiPress, 13.01.2010. Доступно на: <http://business.akipress.org/news:150221/> — 13.01.2010, последнее посещение 10.05.2011.

²⁰ Валентини К., Оролбаев Э., Абылгазиева А. Водные проблемы Центральной Азии. Бишкек, 2004, с. 57.

происходили землетрясения: под ее основанием располагается Ионахшский тектонический разлом сейсмической опасностью девять баллов. Согласно расчетам советских ученых, на которые ссылается узбекская сторона, в случае разрушения плотины Рогунской ГЭС высота волны в начале схода из водохранилища составит, в зависимости от его наполнения, от 240 до 260 м. До Нукуса, что на севере Узбекистана, она дойдет высотой в 4–8 м. Волной такой высоты и силы будут снесены все шесть гидроузлов, располагающихся ниже по течению, все жилые дома и предприятия²¹.

Не меньше Узбекистан беспокоит и то, что любые изменения объемов и режимов использования стоков рек в регионе в результате строительства ГЭС могут привести к продовольственной и экологической катастрофе. Хотя Таджикистан и утверждает, что будет заполнять водохранилище при Рогуне в течение 8 лет и это серьезно не повлияет на объем стока, узбекская сторона опасается, что в этот период до стран нижнего течения вода доходить практически не будет²². Эти опасения оправданны, примеры в истории были. Как раз на этой почве произошел конфликт между Турцией, на территории которой в конце 1980 г. осуществлялось первоначальное заполнение водохранилища Ататюрк, с одной стороны, и Сирией и Ираком — с другой. Тогда сельское хозяйство, энергетика и гражданское водоснабжение нижележащих сторон в бассейнах временно обезвоженных рек Тигр и Евфрат понесли немалый ущерб²³. У Ташкента есть и еще одно опасение. Оно заключается в том, что, регулируя сброс воды на Рогунской ГЭС, Душанбе сможет намеренно ограничивать объем потребляемой воды Узбекистаном и тем самым диктовать свои условия в любых спорах.

Но пока у Узбекистана, через который проходят практически все коммуникации, ведущие в Таджикистан, значительно больше рычагов давления на таджикскую сторону, чем наоборот. И едва ли не все они задействованы, что ярко показали события 2010 г.. Так, после одностороннего выхода Узбекистана в конце 2009 г. из Единого энергетического кольца ЦА, Таджикистан перестал получать поступавшую через узбекские сети электроэнергию из Туркменистана. Пришлось, в целях обеспечения потребностей страны, в несколько раз увеличить нагрузку на действующие ГЭС, что усугубило энергетические проблемы страны.

Напряженность в отношениях с Узбекистаном вынудили Таджикистан еще в 2008 г. начать строительство ЛЭП-500 «Юг — Север» за счет предоставленного Китаем займа, так как поставки

электроэнергии с энергодостаточного юга страны на энергодефицитный север также осуществлялись по электрическим сетям Узбекистана²⁴. Проект был закончен в конце 2009 г., и с вводом в действие этой ЛЭП протяженностью 386 км Таджикистан стал обладателем собственной единой энергетической системы. Из-за сложных межгосударственных отношений Таджикистан ограничил и свои торговые отношения с Узбекистаном: если в 2006 г. во внешней торговле первого на долю второго приходилось 38% импорта и 21% экспорта²⁵, то в 2010 г. Узбекистан в списке основных торговых партнеров Таджикистана вообще не значился. Более того, из-за действий соседа в 2010 г. произошло общее снижение объемов таджикского экспорта в страны СНГ на 25,5%. Львиная доля этих потерь произошла вследствие разрыва единого рынка электроэнергии в регионе и отказа узбекского руководства закупать избыточную электроэнергию, вырабатываемую таджикскими ГЭС в летнее время. В 2010 г. экспорт электроэнергии упал на 95% — по существу, прекратился. В результате холостого сброса воды в 2010 г. Таджикистан потерял до 60 млн долл. в виде упущенной выгоды от продажи электроэнергии на экспорт²⁶.

Ключевую роль для нормального функционирования таджикской экономики играет железнодорожный транспорт. Из-за особенностей горного рельефа железнодорожное сообщение Таджикистана внутри страны и с внешним миром проходит исключительно через его границу с Узбекистаном. В благополучные годы отношений с соседом 65% всех грузоперевозок Таджикистана осуществлялось по железным дорогам²⁷, по узбекской территории курсировали пассажирские поезда таджикского формирования Душанбе — Москва, Душанбе — Худжанд и Курган-Тюбе — Худжанд. Когда Узбекистан устроил транспортную блокаду на железной дороге, резко сократился таджикский импорт. По оценке таджикской стороны, объем транзитных грузоперевозок в первом полугодии 2010 г. уменьшился на 40%, экономические потери от задержания грузов на июнь 2010 г. превысили 100 млн. долл.²⁸ Узбекистан до сих пор продолжает удерживать на своей территории вагоны с оборудованием для Рогунской ГЭС. Из-за действий узбекской стороны сократились и поставки глинозема для основного бюджетобра-

²⁴ Водно-энергетические ресурсы Центральной Азии..., с. 25.

²⁵ Там же.

²⁶ Внешняя торговля в Таджикистане в 2010 // Tsouz.kz. Казахстанский информационный портал. 26.01.2011. Доступно на: www.tsouz.kz/index.php?urlica/index.php?option=com_content&view=article&id=341:-2010&catid=64:-silk-way&Itemid=82, последнее посещение 26.08.2011.

²⁷ Водно-энергетические ресурсы Центральной Азии..., с. 27.

²⁸ Таджикистан: экономический ракурс № 5 (82) // Информационное агентство «ASIA-Plus», 4 июня 2010, Душанбе. Доступно на: <http://news.tj/ru/news/tadzhikistan-ekonomicheskii-rakurs-5-82>, последнее посещение 28.08.2011.

²¹ Пирназаров Н. Водная конференция: Рахмон, Каримов и Рогун. Отношения накалились // CA-News, 09.06.2010. Доступно на: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1276065240>, последнее посещение 28.08.2011.

²² Там же.

²³ Валентини К., Оролбаев Э., Абылгазиева А. Указ. соч., с. 43.

зующего предприятия страны — Таджикского алюминиевого завода.

Следует заметить, что поезда из центральной части Узбекистана в Ферганскую и Сурхандарьинскую долины, в свою очередь, проходили через Таджикистан. Поэтому Узбекистан в последние годы инициировал дорогостоящие проекты по переводу внутренних грузопотоков исключительно на свою территорию. На базе железнодорожной станции Авлык запущен международный центр логистики «Ангрен», который будет принимать грузы, доставляемые по железной дороге из различных районов Узбекистана, для дальнейшей их отправки автомобильным транспортом через горный перевал Камчик в Ферганскую долину — в Андижанскую, Наманганскую и Ферганскую области, где проживает более 6 млн человек. Соответственно, в декабре 2009 г. руководство железных дорог Узбекистана предупредило таджикских коллег об отмене движения пассажирских поездов, следовавших через территорию Согдийской области по маршрутам Ташкент — Андижан и Бухара — Андижан. С 1 января 2010 г. Узбекистан отказался от железнодорожной перевозки и коммерческих грузов в Ферганскую долину через территорию Таджикистана. По старому маршруту пока еще перевозятся лишь горюче-смазочные материалы, бензин и дизельное топливо. Прочие грузопотоки и все пассажирские перевозки должны идти через Камчик, и когда он закрывается из-за схода лавин, для связи с Ферганской долиной остается только авиасообщение²⁹.

Таджикистан тоже ограничил движение своих поездов по узбекской территории. В марте 2011 г. прекратилось их движение по маршруту Душанбе — Худжанд. Взамен таджикские власти приняли решение построить железную дорогу Турсунзаде — Худжанд: она свяжет юг и север республики, соединившись через Шахристанский перевал с железной дорогой в Истаравшанском и Спитаменском районах³⁰. Но пока это только в планах.

Транспортная блокада, устроенная узбекским руководством таджикским соседям, ограничивает возможности передвижения населения и приносит огромный экономический ущерб, причем не только Таджикистану. Серьезные потери несет сам Узбекистан. Но узбекские власти блокадой не ограничились, они нашли еще способ давления на соседнюю страну — в одностороннем порядке закрыли пограничное КПП между Самаркандской областью Узбекистана и удаленной Зеравшанской долиной Таджи-

кистана³¹. Это отрезало от внешнего мира на весь зимний период целый регион, так как зимой горные переходы из долины на территорию остального Таджикистана закрыты из-за снега.

Упорство, с каким Узбекистан в течение нескольких лет прибегает к жестким мерам воздействия на южного соседа, свидетельствует об определенном политическом курсе, который никак нельзя назвать способствующим преодолению существующих противоречий. Таджикистан не менее упорно отказывается от компромиссов в отношениях с Узбекистаном, пока тот не прекратит свои «карательные» санкции. Велика вероятность, что пока у власти в Ташкенте и Душанбе будут находиться нынешние лидеры, обе стороны будут следовать политике контролируемой конфронтации без применения силы. Впрочем, нельзя исключать и возможность проведения Узбекистаном военных операций по защите своих интересов в сфере водопользования. Узбекское руководство вообще не стесняется применять оружие, когда, как ему представляется, возникают угрозы национальной безопасности, которая понимается как безопасность государства и власти в первую очередь. Это показали андижанские события, да и заминированные после вылазки боевиков Исламского движения Узбекистана в 2000 г. на узбекскую территорию границы с Таджикистаном до сих пор свидетельствуют о том же.

В новейшей истории уже были конфликты вокруг похожих проблем, завершавшиеся боевыми действиями. В 1955 г. Израиль создал Национальную водохозяйственную компанию для отвода воды из реки Иордан в южные районы Израиля и в пустыню Негев, где численность населения постоянно увеличивалась. В ответ на это в 1964 г. Сирия и Иордания начали строительство дамбы для того, чтобы изменить течение рек Ярмук и Баньяс и помешать Израилю достичь своей цели. Возникшие в этой связи трения стали одной из причин арабо-израильской войны 1967 г., в ходе которой Израиль, помимо того, что оккупировал Голанские высоты, западный берег реки Иордан и сектор Газа, разбомбил дамбу и расширил доступ к Ярмуку и Иордану³².

* * *

С учетом усугубляющегося в ЦА водного кризиса отсутствие межгосударственных соглашений о распределении воды может привести не только к экономической войне, но и к реальным боевым действиям. У каждой стороны есть достаточно возможностей осложнить жизнь своему соседу. Стоит ли говорить,

²⁹ Таджикистан — Узбекистан: Рельсовая война? // Информационное агентство «Фергана.news», 08.02.2010. Доступно на: <http://www.fergananews.com/article.php?id=6461>, последнее посещение 28.08.2011; Таджикистан прекратил движение поездов по маршруту Душанбе — Худжанд // CA-News (UZ), 14 марта 2011/Доступно на: <http://www.ca-news.org/news/630141>, последнее посещение 28.08.2011.

³⁰ Таджикистан прекратил движение поездов по маршруту Душанбе — Худжанд.

³¹ Паршин Е. Узбекистан vs. Таджикистан: Соперничество за водные ресурсы набирает обороты // Eurasianet.org, 10 декабря, 2010. Доступно на: <http://russian.eurasianet.org/node/58468>, последнее посещение 21.06.2011.

³² Глебова Н. Война из-за воды // АПН, 21.6.2007. Доступно на: <http://www.apn.ru/publications/article17290.htm>, последнее посещение 05.05.2011.

что совместное решение водной проблемы было бы выгодно всем. Однако неправильно расставленные приоритеты блокируют перспективные возможности. Постоянно выбираемый в данной ситуации приоритет национальной безопасности над любой другой — человеческой, региональной, глобальной — превращает эту самую, узкотолкуемую и однозначно отстаиваемую, национальную безопасность в угрозу как в части её собственных аспектов (экономический, транспортный, социальный), так и по отношению к безопасности более высокого уровня.

Главный камень преткновения тут — это вопрос о суверенитете. Решение проблемы совместного использования трансграничных рек требует делегирования части национального суверенитета в некий наднациональный орган. Или, как минимум, отказа от краткосрочных односторонних выгод, наносящих вред другим сторонам. Однако сейчас мы видим иное: когда интересы национальной безопасности делаются самодовлеющими, в противовес и в ущерб безопасности иных уровней, это едва ли не автоматически делает главной, бдительно охраняемой

ценностью как раз то, чем надо бы в известных пределах пожертвовать — национальный (государственный) суверенитет. Более того, руководители государств ЦА, выступая хранителями и трансляторами этого суверенитета, в своих действиях идут еще дальше, отождествляя себя с ним, так что любое посягательство на суверенитет, даже в интересах всеобщего блага, воспринимается ими как личная угроза. Отождествление себя с государством (принцип «Государство — это Я») приводит еще и к тому, что даже сиюминутные личные интересы руководителя становятся более важными, чем будущее всей страны (принцип «После нас хоть потоп»), а в данном случае и всего региона.

Прогнозируя развитие ситуации, с достаточной долей уверенности можно утверждать, что при своих нынешних руководителях Таджикистан и Узбекистан общего языка не найдут, и в среднесрочной перспективе на добрососедских отношениях между этими странами придется, скорее всего, поставить жирный крест. Равно как и на надеждах на то, что водная проблема в ЦА будет решаться совместными усилиями всех государств, образующих регион.